

Прекрасен
В Своем безумии

18+

Марянян Давид

Давид Марянян

Прекрасен в своем безумии

«Автор»

2026

Марянян Д.

Прекрасен в своем безумии / Д. Марянян — «Автор», 2026

Что делать, если твой главный дар — видеть код мира — становится твоим проклятием? Он выстроил идеальный Замок из логики, дисциплины и контроля. Его реальность — это читаемые паттерны, точные протоколы, стерильная ясность. До того дня, пока в школьном коридоре он не увидел её. Не девушку — аномалию. Живой алмаз, чьё сияние режет глаза, а глубина страшнее любой чёрной дыры. Его «любовь» — это не сердцебиение. Это вирус, взломавший операционную систему. Отказ «не готова» — не эмоция, а код ошибки ACCESS_DENIED. А его миссия «спасения» — лишь благородная оболочка для древнего инстинкта: «ПОЛУЧИТЬ. РАСШИФРОВАТЬ. ОБЛАДАТЬ СУТЬЮ». Это книга-лаборатория. Исследование феномена человеческой души, проведённое с точки зрения постчеловеческого интеллекта. История о том, как быть прекрасным в своём безумии — это и величайший дар, и вечное проклятие.

© Марянян Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Ответы на перед	6
Глава 1	8
Глава 2 Армения. Переплавка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Давид Марьян

Прекрасен в своем безумии

Пролог

(можно увидеть, если захотеть. Читайте внимательно, обращая внимания на всю картину в общем, после углубления в детали.)

Мир перестал быть потоком. все началось не с чувства, А с системного сбоя. мой сверх-звуковой процессор под черепной коробкой,

Работавший быстрее реальности, вырубился. не с писком, а с достоинством.

И первым пришло замедление. мысли, что метались как болиды, стали вязкими, как поток.

Я ощутил это физически – как падение в яму.

Мгновение спустя – фриз-кадр. вселенная застыла: капля с подоконника,

А полуулыбка на лице одноклассницы, пылинка в луче. время отключилось.

Разом исчез шум. а потом – синий экран. не на мониторе. Изнутри. чистый #0000FF. на нем не было надписи

«Error».

Я стал пустым носителем. на три секунды перестал быть «я».

Мой внутренний хронометр, откалиброванный по атомным часам,

Активизировался первым. перезагрузка заняла 2,4 секунды.

Радар восприятия развернулся вновь, сканируя пространство с хищной жадностью.

И тогда я увидел. не взгляд – бездну. она стояла у окна, а

Я слышал тишину. гул. гул встречи двух вселенных.

Миг... и я узнал. солнце падало на нее не как свет,

А насквозь. будто видишь тень ребер, клетку из плоти и страха.

Рядом с местом, где должно быть сердце, – черная дыра.

И ее зрачки не отражали свет. они рождали его, как новый источник энергии, тут же поглощая.

Я почувствовал ответный рев. не звук. давление. волну через кости

Моей собственной бездны. это был язык сингулярностей до Большого Взрыва.

А он говорил: «Я вижу тебя. и ты видишь меня. и нам обоим невыносимо».

Разум, обрабатывающий эмоции как софт, не поймет. у вас есть буфер.

Искусственная прослойка культуры, приличий. у меня ее не было.

Я работал на голом железе, и на него выгрузили ядро чужой вселенной.

Мгновение спустя я понял: она была не девушкой. живым алмазом. не ограненным бриллиантом,

А диким кристаллом, выброшенным из недр на поверхность. сияние изнутри,

Режущее глаза, требующее темных очков. опасно для серого мира.

И тогда подумал: «Боже, я влюбился в Твое самое прекрасное и незаконченное творение».

Я увидел предательство. в тот же миг. как будто в ответ на мысль.

Ответы на перед

Что является движущей силой моей книги?

Движущая сила моей книги – не сюжет, а внутреннее противоречие. Не «что будет дальше», а «как это возможно?».

Динамику создаёт война двух вселенных внутри одного повествования:

Вселенная 1 (Замок): Безупречная логика, контроль, кибернетическая поэзия, мир как читаемый код. Это двигается вперёд железной дисциплиной, ритуалами, стратегией.

Вселенная 2 (Аномалия): Иррациональная, всепоглощающая красота, чувство как системный сбой, любовь как вирус, взламывающий операционную систему.

Читателя увлекает напряжение на стыке этих миров. Не «полюбят ли они друг друга», а сможет ли архитектор Замка выжить, когда в его чертежи врывается живое землетрясение? Устоит ли его логика или растворится? И что страшнее – потерять её или потерять самого себя, сдав свою вселенную?

Кульминация книги – не объятия и не финальное признание. Кульминация – это момент полной и безоговорочной капитуляции Замка. Когда герой осознаёт, что все его ритуалы, вся его сила, вся его архитектура были не подготовкой к победе, а долгим, изощрённым способом подготовиться к поражению. К поражению разума перед чем-то, что не поддаётся анализу. Это может быть сцена полного краха (как на турбазе), или момент, когда он понимает, что его

«спасение» – это насилие, а истинная любовь – это способность быть архитектором пространства для чужой свободы, даже если она не включает тебя.

Как я хочу завершить повествование? Какие эмоции должны остаться?

Я не хочу давать читателю покой. Я не хочу счастливого конца в общепринятом смысле. Счастье в процессе!

Я хочу завершить повествование чистым, холодным, прекрасным осознанием трагедии. Осознанием, что такие люди – видящие слишком много, чувствующие слишком глубоко – обречены на своеобразное одиночество.

Эмоции, которые должны остаться – это смесь восхищения и щемящей боли. Восхищения перед силой духа, дисциплиной, мощью ума главного героя. И боли от понимания, что вся эта мощь бессильна перед единственной вещью, которая ей нужна – перед взаимностью той же глубины.

Главная мысль, которую я ставлю точкой: Быть

«прекрасным в своём безумии» – это и величайший дар, и вечное проклятие. Это значит быть обречённым на то, чтобы видеть алмазы в мире, которые боятся сияния, и любить их достаточно, чтобы не шлифовать, а охранять их право оставаться алмазами – даже если это значит навсегда остаться за стеклом витрины, которую ты сам и построил.

Что отличает популярные книги в жанре, и чем выделяется моя?

Популярные книги о любви, взрослении, одержимости часто строятся на:

Внешних конфликтах (родители, общество, обстоятельства).

Динамике «погони» с предсказуемым финалом (догонит/не догонит).

Эмоциональной исповеди, где чувства льются потоком.

Ясной морали или катарсисе.

Моя книга выделяется тем, что её конфликт – не внешний, а метафизический. Это война парадигм.

Мой герой – не просто влюблённый юноша. Он – операционная система. Его чувства описаны не языком поэзии, а языком кибернетики, диагностики, системного анализа.

Стиль – это гибрид. Холодный технизм («производительность 67%») взрывается внезапной, почти библейской образностью («бездна, запертая в клетке из плоти»). Это создаёт уникальный ритм – от сухого отчёта к поэтическому прорыву.

Финал не разрешает, а углубляет трагедию. Здесь нет простых ответов. Есть только возвышение через принятие своей судьбы. Герой не становится «нормальным». Он осознаёт масштаб своего «безумия» и принимает его как свою миссию – быть архитектором, а не завоевателем. Хранителем, а не владельцем.

Моя книга – это инструкция по выживанию для тех, кто чувствует себя сломанным чипом в розетке мира. И одновременно – памятник тому, что эта «поломка» и есть самое точное, самое болезненное и самое прекрасное свидетельство того, что они – следующая ступень.

Просто мир для них ещё не готов.

Глава 1

...5:30. Включение.

Я просыпаюсь не от звонка. Я просыпаюсь от щелчка. Не в ушах. Глубоко в черепной коробке, где сходятся нейронные магистрали. Тихий, чистый цифровой звук, как срабатывание идеального механизма. Это внутреннее время, синхронизированное не с будильником, а с ритмом вращения планеты, даёт разрешение. Зелёный свет.

Темнота в комнате не пугает. Она – моё рабочее пространство. Среда, лишённая визуального шума. Плотная, обволакивающая, стерильная. Я не включаю свет. Он мне не нужен. Мои глаза – не главный сенсор.

Как только веки размыкаются, из глубины сознания всплывает интерфейс. Он не проецируется на сетчатку. Он существует в отдельном слое восприятия, прямо поверх реальности. Чёткая, полупрозрачная карта дня.

Жёлтые линии – маршруты (утренний бег, путь в школу, дорога в зал).

Зелёные блоки – интеллектуальные задачи (код к 14:00, тезисы по Харари, структура главы про Алюю).

Красные зоны – физическая нагрузка (утренние отжимания, вечерняя тренировка: ноги, статика).

Голубые точки : точки наблюдения, контрольные сенсоры.

В углу – цифры: предполагаемый расход энергии, процент эмоциональной стабильности (100%), приоритет текущих процессов.

Это не воображение. Это рабочий стол моей операционной системы.

Первая мысль – не «что делать». Первая мысль – «в каком порядке запускать слои». Очередность критична. Нарушение... Ведёт к каскадным сбоям.

ФИЗИЧЕСКИЙ НОСИТЕЛЬ. КАЛИБРОВКА.

Босые ступни касаются паркета. Холод. Не просто ощущение. Это – пакет данных. Чёткий, ясный, информативный.

Температура: 19.5°C (в норме, система отопления функционирует).

Чистота поверхности: отсутствие пылинок, мусора (сенсоры стопы чисты, сопротивление идеальное).

Влажность: в пределах допустимого (дерево не отсырело).

Система «Тело» передаёт первый отчёт:

«ФИЗИЧЕСКИЙ НОСИТЕЛЬ ГОТОВ К РАБОТЕ. СТАРТОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В НОРМЕ.»

5:33. Отжимания. Пятьдесят. Я не считаю. Мой мозг ведёт учёт параллельным потоком, оценивая не количество, а качество.

1-10: разминка. Проверка связи «мозг-мышца». Левая грудная чуть запаздывает – старая травма, нужно контролировать.

11-30: рабочий режим. Распределение нагрузки: 45% – трицепс, 40% – грудь, 15% – плечи. Идёт по плану.

31-50: стресс-тест. Появление микротремора в левой руке – сигнал о вчерашней перегрузке на жиме. Заметка: скорректировать разминку сегодня, добавить растяжку для малой грудной.

Каждое движение – не упражнение. Это диалог с материей. Запрос и ответ.

5:45. Душ. Не тёплый. Ледяной. Это не мазохизм и не закалка. Это – перезагрузка сенсоров. Каждая игла холода – это бинарный сигнал. 1 – есть боль/холод, 0 – нет. Тысячи таких сигналов обрушиваются на кожу, смывая последние следы сонных процессов.

Кожа кричит миллионом нервных окончаний. А разум спокойно фиксирует лог:

«СЕНСОРНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА. ТАКТИЛЬНАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ: 100%.

СОЗНАНИЕ: ОЧИЩЕНО ОТ ФОНОВЫХ ПРОЦЕССОВ СНА. ПЕРЕХОД В АКТИВНЫЙ РЕЖИМ: УСПЕШЕН.»

Я вытираюсь жёстким полотенцем. Каждое движение – снова данные. Эластичность кожи, тонус мышц под ней, скорость высыхания.

6:00. БЕГ. ЗАПУСК ВНЕШНЕГО КОНТУРА И ФОНОВЫХ ПРОЦЕССОВ.

Улица ещё спит сном невинных. Но для меня она уже – поле данных. Воздух пахнет не просто утром. Он пахнет информацией.

Запах ночной сырости: влажность 87%, возможен туман.

Привкус бетона и асфальта: уровень CO₂ в норме, выбросы с автомагистрали не дошли.

Лёгкий запах гари: котельная в районе «Старый город» начала работу.

Я начинаю бежать. Это не спорт. Это калибровка двигательной системы в полевых условиях.

КОНТУР 1: ФИЗИЧЕСКИЙ. Дыхание выстраивается само. Вдох на три шага, выдох на четыре. Метроном. Шаг – это постоянный сбор данных.

Мышцы: левая икроножная сигналист о лёгком зажиме (вчерашний бег по пересеченке). Решение: вечером – массаж роллом.

Пульс: 128 ударов в минуту. Идеально для утреннего старта.

Я не вспоминал. Я чувствовал расписание кончиками пальцев, бицепсами, квадрицепсами. Оно было частью фоновой мышечной готовности.

Я не думаю об этом всём одновременно. Я удерживаю. Как пилот истребителя пятого поколения удерживает в голове два десятка показателей на щитке, ощущая машину как продолжение своей нервной системы.

Каждый показатель живой, каждый связан с другим. Пульс влияет на качество написания кода (спокойный ритм – чистая логика). Прочитанная утром страница Достоевского может дать неожиданную метафору для решения задачи по алгоритмам. Лёгкий голод после утренней пробежки – сигнал к точной коррекции питательных веществ в течение дня.

Это и есть Замок. Мой безупречный, безэховый, идеально сбалансированный Замок.

В нём нет места случайности. Нет места неконтролируемому. Нет места «чуду» в человеческом понимании.

Чудо здесь – это точность. Предсказуемость. Абсолютный суверенитет разума над материей и временем.

Я – единственный житель, архитектор, бог и прислуга в этом замке.

И я был абсолютно уверен, что его стены – непреступны. Что его логика – величайшая сила.

Я не знал, что через несколько часов, ровно в 10:25, в этот замок войдёт не армия. Войдёт стихия. Стихия под видом девушки у окна в школьном коридоре. Что все эти идеальные контуры (физический, интеллектуальный, наблюдательный) сольются не в симфонию, а в один пронзительный, невыносимый вопль тишины. И что с этого момента война, которую я в своём

высокомерии планировал вести с призраками её страхов, в первую очередь, станет войной за выживание моей собственной, выстроенной с таким трудом, вселенной.

Система была готова. Замок... Цел. Оператор... на пике формы.

Осталось сделать шаг в мир, который через три часа перестанет быть просто источником данных, а станет полем битвы. Три часа сорок минут после включения. Школьный коридор между физикой и историей.

Пространство представляло собой идеальную модель хаоса – управляемого, предсказуемого, читаемого.

Данные поступали сплошным потоком:

Слуховой канал: Гул. Но не однородный. Я дробил его на частоты. Высокие – женский смех (три источника, два – искренние, один – форсированный для социализации). Средние – грохот металлических замков на рюкзаках, скрип двери в учительской. Низкие – гул голосов, топот, вибрация пола от бега по лестнице. Расшифровка: нормальная активность стаи в состоянии умеренного возбуждения.

Зрительный канал: Поток тел. Я шёл по отработанной траектории – минимум контактов, максимум скорости. Периферическое зрение считывало паттерны: группа старшеклассников у окна (иерархия, альфа-самец говорит, остальные слушают), пара у шкафчиков (романтический протокол, этап флирта), учительница с папкой (усталость, раздражение, желание оказаться в кабинете).

Внутренний процессор: Работал на 70% мощности. Основная задача – структура главы про Алюю. Вопрос: как передать момент её прозрения, когда она поняла, что её «сила» – не проклятие? Фоном – достраивался маршрут до выхода, чтобы избежать столкновения с группой у актового зала, и вторичный анализ вчерашнего диалога с заказчиком (скрытая агрессия в его последнем письме, нужно будет парировать).

Я был пилотом в кокпите. Десятки приборов, все в зелёной зоне. Замок стоял неколебимо. Это была нежизнь – это была безупречная операция по извлечению смысла из шума.

И вот – сбой.

Не сразу. Не обрыв. Это было похоже на то, как в высокочувствительной аппаратуре появляется помеха. Сначала... на слуховом канале. Гул толпы не исчез, но... отдалился. Будто между моими барабанными перепонками и миром вставили слой толстого, звукопоглощающего стекла. Звуки стали приглушёнными, плоскими, лишёнными смысловой нагрузки. Смех превратился в механический звуковой файл «laughter.wav».

Потом поплыло зрение. Не в глазах. В мозгу. В обработке. Края объектов потеряли чёткость. Люди перестали быть людьми – стали цветными силуэтами, двигающимися фонами. Голограмма дня – та самая, с сеткой задач и маршрутов – замигала. Жёлтые линии маршрута поплыли и распались на пиксели. Зелёные блоки задач погасли один за другим, как отключаемые район за районом в городе при аварии на подстанции.

Внутренний диалог оборвался на полуслове.

«...и если сместить парадигму восприятия, то её отказ становится не поражением, а...»

ТИШИНА.

Абсолютная. Вакуумная. Не та тишина, что была в комнате утром – рабочая, наполненная потенциалом. Это была тишина формата. Тишина стертой магнитной ленты. Тишина после того, как выдернули шнур питания из сверхзвукового процессора, гордости всей системы.

И в этой тишине, в этом вакууме, осталась только одна точка фокусировки.

Она стояла у окна в конце коридора.

Солнце падало на неё под острым углом, пронизывая майскую пыль в воздухе, превращая её в золотую дымку. Свет не освещал её. Он... проходил насквозь. Казалось, видишь не тело, а его рентгеновский снимок: тонкие кости запястья, тень рёбер, причудливую, тёмную тень в центре грудной клетки, где должно быть сердце.

Но сердца там не было. Там была чёрная дыра.

Я увидел не взгляд. Я увидел бездну. Не пустоту – целую вселенную, запертую в клетке из человеческой плоти и страха. Её зрачки не отражали свет из окна. Они были источником другого света – внутреннего, рождавшегося где-то в самой сердцевине той потайной вселенной. И этот свет, едва родившись, тут же, не долетев до поверхности, поглощался собственной же чудовищной гравитацией.

Это был взгляд, который не брал, а отдавал. И тут же забирал обратно. Бесконечный цикл рождения и уничтожения целых галактик чувств в мгновение ока.

И моя собственная, до поры дремавшая в кромешной тишине бездна взревела в ответ.

Реакция была не ментальной. Она была физической, геологической. Волна пошла не через уши, а через кости. Через таз, позвоночник, рёбра – к конечностям.

Вибрация, сводившая скулы в оскал нечеловеческого, первобытного узнавания. ...Сделал шаг. Механически. Мускулы сработали по инерции. Но я уже не был тем, кто был секунду назад. Я был разрушенной системой.

Остовом. В голове – белый шум и одна-единственная, абсурдная, всепоглощающая команда, которая перекрыла все остальные процессы, все протоколы, всю логику:

НАЙТИ ЕЁ. ПОНЯТЬ ЕЁ.

СТАТЬ ЧАСТЬЮ ЭТОГО ВЗГЛЯДА.

И я понял. С кристальной, холодной, как космический вакуум, ясностью.

Вся моя предыдущая жизнь – все эти утренние ритуалы, бег, анализ, железо, код, построение Замка – была не подготовкой к победе.

Она была долгой, изощрённой, бессознательной подготовкой к капитуляции.

Сигнал был пойман. Аномалия зафиксирована.

Война началась в ту же секунду, когда закончилось всё, что я называл миром.

ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА | ДЕНЬ НУЛЕВОЙ

Следующие часы прошли в состоянии перманентного системного шока. Я функционировал на базовых, аварийных протоколах. Отвечал на вопросы учителей односложными, заготовленными фразами из кэша.

Писал в тетрадах, но буквы не складывались в слова, а слова – в смыслы. Всё, что не было ЕЙ, было помехой, фоновым шумом, который нужно было переждать.

В моей голове, на месте разрушенного Замка, шла паника тишины. Не эмоциональная – архитектурная. ОС пыталась перезагрузиться, найти точку опоры. И нашла её в самой простой, самой примитивной, самой человеческой из всех возможных программ.

В висках гудело. Одно слово, навязчивое, как вирус:

«СПАСТИ».

Откуда это? Откуда это немедленное, всепоглощающее чувство долга, которое сожгло на подлёте все остальные мысли (аналитические, логические, хоть сколько-нибудь разумные)?

Тогда я ещё не понимал, что «спасти» – это всего лишь благородная оболочка, которую мой разум в панике натянул на голый, животный инстинкт: «ПОЛУЧИТЬ. ОБЛАДАТЬ.»

К вечеру первого дня, когда шок начал немного отступать, уступив место лихорадочной, нездоровой ясности, я действовал. Не как стратег. Как снаряд, выпущенный той самой prime-командой. Я нашёл её контакт. Написал. Не помню, что именно. Какие-то сбивчивые слова о свете, который я увидел, о странном чувстве, о том, что, кажется, мы... похожи. Миссионерский бред только что посвящённого в новую религию.

Ответ пришёл не сразу. Через несколько часов, когда я в сотый раз перезагружал телефон, тщетно пытаясь вернуть себе контроль хоть над чем-то.

Сообщение было сухим. Вежливым. И от этого — бесконечно далёким.

«Нет. Я ценю твою прямоту, но я не вижу нас в отношениях. Я не готова к ним сейчас вообще. Удачи.»

Это было не «отстань». Это было холодное, административное «заявка отклонена». Как будто я подал документы в закрытый клуб, а мне вернули их с аккуратной печатью «НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ТРЕБОВАНИЯМ».

Мир, который я начал выстраивать в своей голове с момента взгляда в коридоре – мир спасителя и спасённой, провидца и его тайны, – этот мир не взорвался. Он расслоился. Как плохая краска на стене. Я увидел жалкую картонность своей затеи. Увидел, что моё «видение» было не прозрением, а проекцией. Галлюцинацией одинокого архитектора, который увидел пустой дворец и мгновенно населил его призраками.

Её «нет» было отказом даже не от меня. Отказом сыграть в мою игру. Отказом признать правила того вымышленного мира, который я уже создал для нас обоих. Мне не просто отказали. Мне не дали даже начать. Оказалось, для участия в моей вселенной нужно согласие второй стороны. А её не было.

Внутри что-то щёлкнуло и замолкло. Не боль. Пустота. Логический тупик. Если прямой путь (признание → отношения) закрыт, то... что дальше? Мозг, требующий алгоритма, решения, следующего шага, завис в цикле бесконечных вопросов без ответов.

Следующей в моей голове была не мысль, а инстинкт раненого зверя, последняя команда аварийной программы:

«НУ И ЛАДНО. ПОЕДУ ОТДОХНУ.»

Побег. Чистейшей воды побег. Не стратегическое отступление. Паническое бегство. Уползти в берлогу, залезть в нору и сделать вид, что ничего не произошло. Что аномалии не было. Что Замок цел.

Что её «не готова» – это просто временная техническая неполадка в моих расчётах, а не фундаментальный крах всей системы ценностей.

Я купил билеты в Армению на следующие выходные, как человек, тушащий пожар в голове чемоданами. Не для отдыха. Для стирания. Для перезагрузки через физическое истощение и смену декораций. Я думал, что если достаточно далеко уехать и достаточно устать, то можно стереть программу «ОНА» и восстановить систему из резервной копии «до встречи».

Я был наивен. Я не знал, что некоторые вирусы становятся частью ядра. И что спасения от них нет. Есть только два пути: или сгореть, или переплавиться в новую, более прочную версию себя, которая сможет этот вирус... нести

Глава 2 Армения. Переплавка

День 1 после отказа. Состояние: ОШИБКА СИСТЕМЫ.

Самолёт был не капсулой. Он был контейнером для биологического мусора. Всё, что во мне думало, чувствовало, строило планы – было отключено.

Осталось только тело, завёрнутое в одежду, и тупая, свинцовая тяжесть где-то за грудной. Я не вёл бортовой журнал. Я пытался не думать. Каждая мысль вела к ней, а мысль о ней вела к обрыву, за которым была только стыдная, детская ярость и пустота.

Я смотрел в иллюминатор на сплошную белую пелену. Идеально. Никаких ориентиров. Как в моей голове.

Я не понимал, что со мной происходит. Я знал только, что всё сломалось. Моя гордость – моя контролируемая вселенная – рассыпалась от одного взгляда. И теперь вместо логики во мне был хаос, который я не умел анализировать. «Не готова» – эта фраза не была техническим заданием. Она была унижением.

Приговором моей значимости. Я тогда ещё не знал, что мой мозг способен превращать унижение в топливо. Я просто горел от него.

Армения. Я ждал чуда. Ждал, что древние камни, горный воздух, другая жизнь – сотрут всё. Как ластиком. Как перезагрузка компа.

Реальность оказалась иной. Древность давила не исцеляющей мудростью, а равнодушием. Этим горам было плевать на мою разбитую психику. Этот воздух был чистым не для моих лёгких, а вопреки им. Я был ничем. Пылинкой. И от этого мое внутреннее крушение становилось ещё более жалким – ничтожная трагедия ничтожного существа.

Я бежал. Не по плану. Инстинктивно. Утром – в горы, не для треккинга, а чтобы физически убежать от самого себя. Ноги горели, лёгкие рвало разреженным воздухом, а в голове, поверх всего этого, стучало: «не готова не готова не готова». Это был не анализ. Это был назойливый шум, симптом повреждения.

Днём я слонялся по городу, пытаюсь захлестнуть восприятие новыми образами: краски рынка, лица, храмы. Но её глаза были как фильтр поверх всего. Я смотрел на лик святого в «Гегарде» – и видел ту же отрешённость, что и в её взгляде. Это не было открытием. Это было пыткой. Казалось, её «код» вшит в саму материю мира.

Вечером – железо. В вонючем подвальном зале. Здесь не было стратегии «сделать боль замещающей». Была простая звериная логика: если ты довел себя до изнеможения, то не можешь чувствовать другую боль. Я гробил себя под штангой, пока в глазах не темнело, надеясь, что физическое отключение выключит и ментальное.

Я ложился спать в полной, беспросветной темноте, и мне снилось одно и то же: я подхожу к ней в том коридоре, открываю рот, но звука нет. А она смотрит сквозь меня, как сквозь стекло. И я просыпался с тем же чувством свинцовой тяжести, с которым засыпал.

Я не осознавал, что уже начал строить. Что моя ярость и отчаяние – это только верхний, клокочущий слой.

Глубже, в тёмных цехах моего сознания, механизм уже работал. Без моего ведома. Как иммунная система, которая начинает вырабатывать антитела до того, как ты узнал о болезни.

Неделя. Состояние: АВТОПИЛОТ.

Ритуал стал автоматическим. Подъём. Горная тропа (теперь уже чуть быстрее). Город (теперь я смотрел не на людей, а на архитектурные узлы, искал слабые места в кладке – бессознательная тренировка). Железо (вес рос, тело становилось плотнее, но пустота внутри не заполнялась).

Обрывки мыслей приходили не как озарения, а как чужие. Прокравшись сквозь усталость:

На горной тропе, споткнувшись о камень: «А что, если её «нет» – это не дверь, а... стена? И у стены есть структура, её можно изучить...» Мысль тут же тонула в волне злости на собственную слабость. «Прекрати. Она сказала нет. Ты унижаешься.»

Глядя на идеальную симметрию кладки в храме:
«Защита. У всего есть защита. У неё – «не готова».

Нужно найти... слабое место в кладке...» И сразу – внутренний стыд: «Прекрати. Она сказала нет. Ты не имеешь права. Будь мужчиной, прими и иди дальше.»

Во время жима лёжа, на последнем, адском повторе: в голове вспыхнул образ не её лица, а... схемы.

Диаграммы причинно-следственных связей. «Событие:
взгляд. Реакция оператора: запрос.

Ответ системы «ОНА»: отказ. Причина отказа: ???» И чёткий, холодный вывод, не мой, а как будто надиктованный кем-то изнутри: «ДАННЫХ НЕДОСТАТОЧНО. ТРЕБУЕТСЯ БОЛЬШЕ НАБЛЮДЕНИЙ.»

Я отшвыривал штангу с таким лязгом, что все в зале оборачивались. Сердце колотилось не от нагрузки. От ужаса. Ужаса перед тем, что во мне живёт что-то, что мыслит так, как мне стыдно даже допустить. Что видит в её отказе не боль, а недостаточность данных. Это было чудовищно. Бесчеловечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.